

Театр китайский. Нищета в шелках.
Должна ведь в них являться добродетель.
И в рубище—сановный вертопрах.
Вот истина! Кун Цзы её свидетель.

Ещё немало жизнью проживу
И, ежели налажу дело с кармой,
Себя в шелку увижу наяву,
Из круговерти выберусь угарной...

Но вспомню вдруг начальства чесучу
Из тех времён, что так далековаты,
В туманном сновиденьи различу
Все эти робы, ватники, бушлаты.

Монгольский конь¹

Монгольский конь военнопленный,
Ты, крепко сбит, хоть ростом мал,
Как будто на краю Вселенной,
В берлинском зоо тосковал.

Был неразумен и внезапен
Непостижимый твой побег,
Но без ранений и царапин
Фронт перейдён и сотни рек.

Скажи, какому верен долгу,
Ты пересилил болью всей
За Вислой Днепр, и Дон, и Волгу,
Урал, Иртыш и Енисей?

Над знойной степью вырастая,
Лесной пожар вставал вдали,
Но ни тайга, ни волчья стая
В судьбу вмешаться не смогли.

Ты эту выдержал дорогу,
Ведь встречи жаждала душа...
(Не так ли мы приходим к Богу,
В земных пределах путь верша?)

Спросонья был хозяин хмур твой,
И, словно некий новый сон,
Увидевши тебя за юртой,
Почти не удивился он.

Из призраков грозных разгрома
Страшнее всего тишина.
Настала тревожная дрёма,
Позиция обойдена.

Разбомблены доты и щели,
И фронт передвинулся весь.
Лишь сдвинуть тебя не сумели,
Ещё не осилили здесь.

Осталось дожить до рассвета,
Окоп удержать до конца,
И злая несломленность эта—
Последняя радость бойца.

Impression

Да, с департаментов Эльзаса
Не снимут чёрных покрывал!
Но веселящегося класса
Войны не стронул буревал.

Как раненая великанша,
Страна страдает, а народ
И пьёт перно, и ждёт реванша,
Дрянные песенки поёт.

Меж тем оскудевает вера,
Субтильной стала молодёжь,
На хищный Карфаген Флобера
Париж бодлеровский похож.

Вот запахи Индокитая,
Японских изыски гравюр,
Так издалёка залетая,
Вошли в крутящийся сумбур.

Коммуны тень и вихрь канкана
Смешались и слились в одно.
Прекрасен берег океана,
И жизнь прекрасна, и вино.

И сад, что плещет многолисто,
Цветёт и глазу не соврёт,
И кистью импрессиониста
Искусно созданный разброд.

.....
1. Подлинная история. В Монголии
ему воздвигнут памятник.

Женщины

Быстрее стареют, но живут подольше.
Всё ж золото тускнеет не спеша.
Шалят, резвятся в этой самой Польше,
Игрушек жаждет детская душа.

И в возрасте бальзаковском, и позже
Ещё белы, румяны без румян,
И наш вахлак им не покажет вожжи,
И бережно целует ручку пан.

В былом Стамбуле, не внимая плачу,
О златовласках этих торг вели.
Швыряли ассириянками сдачу,
Невольничьи встречали корабли.

Затмили б всех смоленки и рязанки —
Медлительный лебяжий их полёт,
Когда бы им чуть более осанки
И не мозоль от земляных работ.

Таволга

И свежая дохнула таволга,
Сырая влага луговая
Провеяла, оставив надолго
В душе печаль родного края.

Так дышит сильная, росистая
Сама земля и, может статься,
К себе, в себя зовёт неистово,
Не позволяя с ней расстаться.

Всё вновь — ещё не утолнённая —
Тебя взяла и воскресила
В любой былинке заключённая
Её растительная сила.

На Олёкме

Где же ты, заветная Олёкма...

Виссарион Саянов

Песок просеявший стократ
Порой горячей,
Ты, золотишник, был богат
Слепой удачей.

Прошёл по гребню перевал,
Был бодр и хóдок,
Но по дороге потерял
Свой самородок.

Такая выпала судьба.
С ней в поединке
Пришлось, ломая желоба,
Искать песчинки.

Вдруг искорка блеснёт — хоть плачь!
Мала, о Боже!
Но, может быть, былых удач
Она дороже.

Породу грубую дробя,
Спасает навыв
Всё, что осталось у тебя
Для этих ставок.